

ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА В ОЦЕНКЕ Д.В. ФИЛОСОFOVA
(на материале рецензий и статей 1900-х гг.)

В статье рассматривается система оценок чеховского творчества, сложившаяся в рецензиях и статьях Д.В. Филосоfova 1900-х гг. Характеризуются особенности его критического метода, обнаруживающиеся в этот период. Доказывается, что Филосоfov воспринимает творчество Чехова как художественную вершину русской литературы начала XX века и вместе с тем как некоторый предел в её движении. Отмечается, что, используя в своей критике принцип «по поводу», он по-своему преломляет традицию В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.А. Григорьева. Утверждается, что склонность к мышлению антиномиями, проявившаяся в работах Филосоfova о Чехове 1900-х гг., связывает его с Мережковским. Важную роль в формировании философских оценок чеховского творчества играют антиномии «Чехов и чеховщина», «Повседневный трагизм и повседневный героизм». Они выполняют функцию скреп, соединяющих рецензии и статьи этого критика в своеобразный «чеховский» цикл. Оценки художественного наследия Чехова, сосредоточенные в рецензиях и статьях Филосоfova 1900-х гг., ориентированы на диалог с высказываниями современников: Мережковского, Гиппиус, Розанова. В опосредованной форме они транслируют идеи строительства «нового религиозного сознания». Но при этом Филосоfov не только иллюстрирует и развивает чужие критические концепции, но и открывает новые грани творчества Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Д.В. Филосоfov, Серебряный век, литературная критика, оценки, творчество, антиномии, чеховщина, повседневный трагизм, новое религиозное сознание.

Информация об авторе: Наталия Геннадьевна Коптелова, ORCID 0000-0001-7145-223X, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 14.02.2020.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Творчество А.П. Чехова в оценке Д.В. Филосоfova (на материале рецензий и статей 1900-х гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 156–163. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-156-163.

Nataliya G. Koptelova
Kostroma State University

CREATIVE WORK OF ANTON CHEKHOV IN THE ASSESSMENT OF DMITRY FILOSOFOV
(based on reviews and articles of the 1900s)

The article discusses the system of ratings, Anton Chekhov's creative work, developed in the reviews and articles of Dmitry Filosofov of the 1900s. The features of his critical method, which were realised during this period, are characterised. It is proved that Dmitry Filosofov perceives Anton Chekhov's work as the artistic peak of Russian literature of the early 20th century and at the same time as a certain limit in its movement. It is noted that using the principle of «in occasion of criticism» in his own way, he refracts the traditions of Vissarion Belinsky, Nikolay Dobrolyubov, Nikolay Chernyshevsky, Apollon Grigoryev. It is argued that the tendency to think in antinomies, manifested in the works of Dmitry Filosofov on Anton Chekhov in the 1900s, connects him with Dmitry Merezhkovsky. An important role in the formation of philosophical assessments of Anton Chekhov's creative work is played by the antinomies «Chekhov and Chekhovism», «Everyday tragedy and everyday heroism». They perform the function of bonds, connecting reviews and articles of this critic in a kind of «Chekhov» cycle. Dmitry Filosofov was one of the first to use the antinomy «Chekhov and Chekhovism» in his works, which later became a constant in criticising the Fin de Siècle as a whole. Assessments of Anton Chekhov's artistic heritage, concentrated in reviews and articles by Dmitry Filosofov of the 1900s, are focused on dialogue with statements by contemporaries – Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius, Vasily Rozanov. In an indirect form, they broadcast the ideas of building a «new religious consciousness». But at the same time, Dmitry Filosofov not only illustrates other people's critical concepts, but also opens up new facets of Anton Chekhov's work.

Keywords: Anton Chekhov, Dmitry Filosofov, Fin de Siècle, literary criticism, assessments, creativity, antinomies, Chekhovism, everyday tragedy, new religious consciousness.

Information about the author: Nataliya G. Koptelova, ORCID 0000-0001-7145-223X, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Article received: February 14, 2020.

For citation: Koptelova N.G. Creative work of Anton Chekhov in the assessment of Dmitry Filosofov (based on reviews and articles of the 1900s). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 156–163 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-156-163.

В последние десятилетия отечественные исследователи немало сделали для того, чтобы восполнить лакуны в изучении сложного и противоречивого феномена Серебряного века. Один из продуктивных научных подходов связан с необходимостью «вывода из тени» фигур, игравших в литературном процессе конца XIX – начала XX века значимую роль, но в силу ряда причин оставшихся недооценёнными, заслонёнными другими деятелями культуры. Он позволяет в определённой мере дополнить многоцветную картину отечественной словесности рубежа веков и скорректировать существующие в литературоведении представления об иерархии авторитетов и истинной расстановке творческих сил в этот период. К таким «заново» открываемым исследователями авторам Серебряного века, несомненно, следует отнести Д.В. Философова [Коростелев 2016], долгое время воспринимавшегося исключительно как популяризатор религиозно-философских идей и художественных исканий Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Тем не менее степень солидарности Философова с Мережковскими ещё предстоит конкретизировать и уточнить, а масштаб его личного вклада в развитие литературы Серебряного века – объективно определить.

Наиболее ценная часть творческого наследия Философова связана с его критической деятельностью, которая ещё очень мало изучена [Коростелев 2010]. Постоянным центром притяжения для Философова-критика стали произведения А.П. Чехова. Предметом его пристального внимания была, прежде всего, чеховская драматургия. В данной статье мы рассмотрим систему оценок чеховского творчества, сложившуюся в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг.; охарактеризуем особенности его критического метода, обнаруживающиеся в этот период.

Уже рецензии Философова на постановки по пьесам «Дядя Ваня» (1901) [Философов 1901] и «Чайка» (1902) [Философов 1902] стали заметным явлением в литературной критике 1900-х гг. Они не только во многом определили пути постижения индивидуальности Чехова, но и стимулировали развитие эстетики русского модернизма в целом [Коптелова 2017].

В «Театральных заметках» Философов отзывался на вторую постановку «Чайки», осуществлённую Александринским театром. Именно в этой рецензии обозначается амбивалентность его критической оценки творчества Чехова: появляется категория «чеховщины», символизирующая настроения апатии и пессимизма, заражающие зрителей «Чайки» и перекликающиеся с декадентством рубежа веков. Это показывает, что отныне феномен Чехова в критике Философова воспринимается как двойственный, противоречивый: обладающий своей силой и слабостью. В «Театральных замет-

ках» критик впервые принципиально дифференцирует «чеховщину» и «истинного Чехова» [Коптелова 2018].

В 1900-е гг. Философов неизменно характеризует творчество Чехова как вершину русской литературы. Он не раз подчёркивает это, когда упоминает его имя в одной связке с классиками (А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым) для того, чтобы противопоставить «модным» и «самодовольным», с его точки зрения, писателям современности: А.М. Горькому («Конец Горького» (1907)) [Философов 2010: 94] и Л.Н. Андрееву («Мания величия» (1909)) [Философов 2010: 288], – на которых обрушилась незаслуженная слава. Философов остаётся верным своей позиции, намеченной в мирискуснических рецензиях 1901 и 1902 гг., и когда защищает гений Чехова от нигилистических оценок В.П. Буренина, пытающегося перечеркнуть открытия автора «Чайки» в области драматургии («Нигилисты» (1904)) [Философов 2010: 69].

Критик связывает главные художественные достижения Чехова с созданием оригинального стиля, построенного на особой смысловой нюансировке и несущего на себе яркий отпечаток русской национальной специфики. Поэтому Философов парадоксально сближает стиль Чехова со стилем В.В. Розанова, но противопоставляет его стилю М. Горького. В рецензии на постановку драмы Горького «На дне» («О “лжи” Горького» (1903)), исполнявшейся в Берлине на немецком языке и имевшей, кстати, «громадный» успех, он неожиданно отмечает «космополитический характер» этой пьесы [Философов 2010: 48]. Критик пишет: «Всякий перевод, конечно, “предаёт” оригинал, но в данном случае предательства со стороны переводчика было мало. Трудно перевести таких тонких художников слова, как Чехов и Розанов. Их хрупкий, причудливый стиль ломается при перевозке в чужие страны. Горький же отливает свой язык, как чугуна. Прочно, но грубо. Наконец, по самой натуре своей он как-то донельзя общедоступен и не индивидуален» [Философов 2010: 48].

Философов не только противопоставляет Горького Чехову, он пытается проследить и их преемственную творческую связь. В статье «Завтрашнее мещанство» (1904) он пускает очередную «полемическую стрелу» в адрес Горького [Шишкина 2008], когда оценивает его как наследника «слабых» сторон драматургической поэтики Чехова. Выражая свои впечатления от постановки «Дачников» в театре В.Ф. Комиссаржевской, Философов уничижительно отзывался о пьесе Горького: «Детская беспомощность техники, полное непонимание условий сцены, наивное подражание Чехову, и притом не в его силе, а в его слабости, всё это вместе лишает “Дачников” всякого литературного значения» [Философов 2010: 72]. И далее критик саркастически высмеивает, по сути, чеховский при-

ём «подводного течения», лишаящий язык драмы «внешнего» действия. Этот приём использовал, как он считает, и Горький, стремившийся угодить вкусам эстетически неразвитой публики: «Публика обожает теперь всякое действие без действия, ей нравится, когда люди сидят часами на сене и считают мух, и всё это она находит в необъятном количестве в новой пьесе Горького» [Философов 2010: 72]. Примечательно, что мысль о приоритете «действия» над «созерцанием» не только в искусстве, но и в жизни, и в религии со временем станет ведущей идеологической константой в творческом мышлении Мережковского и Гиппиус, духовно близких Философову. Мережковский и Гиппиус так определяли вектор пути русской литературы: от эстетического созерцания к религиозному действию [Коптелова 2010: 207–270].

Статья Философова «Весенний ветер» (1907) также отчётливо ориентирована на творческий диалог с его соратниками (Гиппиус и Мережковским) и составляет с их концептуальными построениями некое «ансамблевое» единство. Не случайно даже заглавие философской статьи восходит к стихотворению Гиппиус «Ветер» («Неудержимый, властный, влажный...»), а в качестве эпиграфа к ней выбрана последняя строфа этого произведения [Коростелев 2010: 543]: «И оседает онемелый, // Усталый, талый, старый лёд... // Люби весенний ветер белый, // Его сверкающий полёт» [Философов 2010: 129]. К подобному приёму прибегает и Мережковский в своём критическом исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1902), когда в качестве смыслового ключа использует строки из незамысловатого стихотворения Гиппиус «Электричество» [Коптелова 2010: 194–195]. В интерпретации Философова образ «весеннего ветра», заимствованный из стихотворения Гиппиус, превращается в метафору «перелома», характеризующего современную общественно-литературную ситуацию: «Под напором весеннего ветра всё смешалось, всё как бы вернулось к “первоначальной интеграции”. Разобраться в “современных течениях” стало почти невозможно» [Философов 2010: 131]. Критик оценивает процессы, происходящие в отечественной словесности, как весьма хаотичные, противоречивые и болезненные. Он считает заблуждениями и провалами многие декларации и творческие искания очень разных писателей, объединившихся на платформе «мистического анархизма». В эту группу вошли, в частности, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, Л. Андреев. Их главную ошибку Философов определяет как метафизическую «односторонность», выразившуюся в разрыве природы и культуры, личности и общности, язычества и христианства. За этим раздроблением целостных феноменов, с точки зрения критика, кроется отказ от идеи «религиозного синтеза» (в понимании Мережковского).

Кроме того, Философов прямо солидаризируется с оценкой, которую Антон Крайний (за этим псевдонимом скрывается Гиппиус) даёт новейшей эротической литературе в статье «Братская могила» (1907) [Крайний: 60–63], называя её культурным «хулиганством» [Философов 2010: 152]. Автор статьи «Весенний ветер» также выражает отрицательное отношение к сакрализации эротики в творчестве М. Кузмина.

Но при этом все издержки современного литературного процесса Философов отчасти и оправдывает: «Идёт мучительный процесс искания новых ценностей, и разве одни писатели виноваты, что эти ценности не найдены?» [Философов 2010: 145]. Утрату духовных ориентиров современными художниками слова он закономерно объясняет разрушением быта как устойчивого фундамента человеческой жизни: «Старый быт потрясён до основания. <...> Надо ждать создания нового быта» [Философов 2010: 145]. Такой поворот в рассуждениях критика концептуально отсылает к статьям Гиппиус «Быт и события» (1904) и Мережковского «Чехов и Горький» (1906), в которых Чехов характеризуется как «художник мелочей», создавший особую «эстетику быта» [Гиппиус: 300–312]. Мастерство Чехова в изображении бытовых подробностей Гиппиус и Мережковский единодушно признают. У последнего чеховский талант бытописательства даже вызывает искреннее восхищение: «Он (Чехов. – Н. К.) – великий, может быть, даже в русской литературе величайший бытописатель. Если бы современная Россия исчезла с лица земли, то по произведениям Чехова можно было бы восстановить картину русского быта в конце XIX века в мельчайших подробностях» [Мережковский: 65]. Однако быт, который так ярко описывает и глубоко постигает Чехов, считает Гиппиус, есть «остановка» жизни, отсутствие событий, небытие. Она выражает уверенность, что с ускорением «полёта жизни», с назреванием в России новых событий время быта проходит [Гиппиус: 312]. Стало быть, уходит и эпоха Чехова. Мережковский, подхватывая эту мысль Гиппиус, доводит её до логического предела, предсказывая крушение старого чеховского быта, а с ним и особого склада творческого мышления, миропонимания, восходящего к художественно-философскому сознанию автора «Вишневого сада» [Чудаков]: «И весь этот гнилой, от гнилости хрупкий быт висит в пустоте над страшной пропастью на одной ниточке: вот-вот порвётся эта ниточка – и всё провалится в пропасть, разобьётся вдребезги. Как будто современная бытовая Россия перед своим концом – начало этого конца мы теперь уже видим – захотела в Чехове оглянуться на себя в последний раз» [Мережковский: 113]. В статье «Весенний ветер» Философов подтверждает правоту своих творческих соратников. Развивая их идейную линию, он ставит все точки над

«и»: «Чехов сделался писателем историческим. Читаешь его, и кажется, что переносишься в далёкое прошлое. “Вишнёвый сад” наравне с “Евгением Онегиным” – страница истории» [Философов 2010: 146]. Апология «движения», «жизни», «событий» заставляет критика отречься от «чеховщины». Вывод Философова безапелляционен: «Нет, явно, что время чеховщины прошло. Мы вышли из старого быта» [Философов 2010: 146]. А в хаосе, «вывихе» и даже «развале» современной литературы и жизни он обнаруживает ростки нового духовного творчества, признаки «подлинного томления духа» [Философов 2010: 157]. Критик заявляет: «Всё дрогнуло, всё двинулось вокруг них (современных писателей. – Н. К.). Куда идти – они не знают, пока ещё не знают, но что пора собираться в путь – это они чувствуют всем существом своим. И это хорошо, потому что жизнь – движение» [Философов 2010: 157]. В контексте рассматриваемой статьи Философов отрицает чеховское начало в литературе именно потому, что воспринимает его как «статическое». Такой подход к оценке творчества Чехова мотивирован пафосом построения «нового религиозного сознания», ставшего общим творческим проектом «триумvirата» и характеризующего Мережковским, Гиппиус, Философовым как «динамическое христианство» [Философов 2010: 156]. В отличие от Мережковского [Мережковский: 102] и Гиппиус [Гиппиус: 312], Философов в этой работе прямо не упрекает Чехова в безверии. Но весь ход его размышлений намекает на отсутствие в творчестве автора «Вишнёвого сада» глубокой религиозности, созидающей новые формы духовности и дающей импульс для развития бытия. В сущности, Философов подтверждает вывод Гиппиус, категорично сформулированный в статье «Быт и события»: трагедия Чехова-художника заключается в том, что его отношение к Богу «не двигалось вперёд» [Гиппиус: 312].

В свою очередь, на статью Философова «Весенний ветер» Мережковский откликнулся статьёй «Мистические хулиганы», напечатанной в газете «Свободные мысли» от 28 января 1908 года. Он подчеркнул, что более пессимистически оценивает состояние современной русской литературы, заражённой вирусом «мистического анархизма». Углубление и уточнение оценок чеховского творчества, представленных в статье «Весенний ветер», и последовательное развитие религиознотворческих идей Гиппиус и Мережковского продолжится и в более поздней работе Философова «Быт, события и небытие» (1910). Таким образом, статьи Философова, Гиппиус и Мережковского складываются в некий творческий полилог. В итоге эти авторы подходят к созданию своеобразного целостного текста, критического цикла, собранного коллективными усилиями. В совместной критической деятельности, откликах и реакциях на высказывания

друг друга можно почувствовать отзвук «новой соборности», искомой Философовым, Гиппиус и Мережковским. Причём в процессе взаимообмена религиозно-эстетическими идеями все трое соратников чередуют свои роли, передавая друг другу эстафету лидерства.

В своих критических работах 1900-х гг. Философов в определённом смысле выстраивает «гелиоцентрическую» модель художественной прозы начала XX века, где роль «солнца», источника как созидательной, так и разрушительной творческой энергии он отводит именно Чехову. При этом в статье «Без стиля» (1908) критик утверждает, что колоссальное влияние великого предшественника на таких художников слова, как Б.К. Зайцев и И.А. Бунин, выливается в досадное подражание ему. По мнению Философова, эти писатели, подчиняясь притяжению гения Чехова, подобно Горькому («Завтрашнее мещанство»), утрачивают творческую индивидуальность, лишаются стиля: «В одном сборнике есть рассказ Зайцева – *Гость*, в другом рассказ Бунина – *Астма*. Оба написаны отлично, оба напоминают хорошего Чехова. < ... > Рассказ ведётся интересно, с большой наблюдательностью. Есть и быт, и настроение, и веяние смерти – словом, всё, что нужно. Но закройте книгу и вспомните потом, кто написал *Астму* и кто *Гостя*, к какому помещику приехал становой и к какому исправник. Вы забудете. Два вполне литературных произведения, а личности авторской нет. Она исчезла и как-то подозрительно слилась с обликом Чехова» [Философов 2010: 220].

В статье «Повседневный героизм» (1909) Философов заявляет, что именно Чехов смог воплотить в своих пьесах глубоко скрытые человеческие переживания, чуждающиеся на сцене надрывных интонаций и аффектированных жестов, о чём мечтал когда-то М. Метерлинк. Это художественное открытие автора «Трёх сестёр» критик определил через понятие «повседневный трагизм». Сопрягая чаяния Метерлинка и творческое новаторство Чехова, Философов реализует один из ключевых принципов своего критического метода: рассматривать литературные явления, возникшие на русской почве, в контексте европейской культуры. Такой подход был им опробован уже в «Театральных заметках», представляющих собой отклик на вторую постановку чеховской «Чайки» Александринским театром (1902). Там понятие «чеховщины» было поставлено в один типологический ряд с «гауптмановщиной», «мариводажем», а также «мережковщиной» и «розановщиной» [Коптелова: 2018]. На этот раз «повседневный трагизм» Чехова, лишаящий театр жизнотворческой энергии, Философов противопоставляет героическим устремлениям, дух которых наиболее полно выражает Шекспир. Любопытно, что в этой статье критик использует элементы своеобразного ино-

сказательного нарратива, чтобы ярко и эмоционально передать свою мысль и иронически дистанцироваться от «негероического» Чехова: «“Три сестры” беспомощно барахтались в своей комнате, у лампы, и царящим вокруг них вечным законом могли противопоставить лишь истеричные вопли и жалкие лепетания о Москве. И вот, в то время, как мы сидели на Чехове, к нам пришёл Шекспир, не на театральную сцену, а на жизненную. Шекспир столкнулся с Чеховым, и победил... не Шекспир» [Философов 2010: 290].

Философов находит ещё одного творческого «наследника» Чехова среди его младших современников. Им неожиданно оказывается Л.Н. Андреев, который, по мнению критика, в своих драматургических экспериментах выступает как продолжатель чеховской традиции. Примечательно, что об Андрееве Философов писал даже более активно, нежели Мережковский и Гиппиус. Судя по всему, его очень интересовала «загадка» этого писателя [Шишкина 2005], обретшего в 1900-е гг. невероятно громкую славу. По мнению Философова, Андреев-драматург принял эстафету «повседневного трагизма», ставшего художественным открытием и настоящим откровением в театре Чехова, но при этом оказавшего на зрителя негативное воздействие, выражавшееся в подавлении воли к действию. Критик прочерчивает линию преемственности от «Трёх сестёр» к драме Андреева «Анатэма», формирующей общественную психологию пессимизма, упадка, апатии. Он даёт иронический «конспект» андреевской пьесы, выдержанный в тоне фельетона и саркастически пародирующий претенциозную мистику и повышенную экспрессивность, отличающую стиль автора: «Во-первых, мифическая сентиментальная “Москва” превратилась в “Железные ворота”, за которыми в “безмолвии” и “тайне” обитает “Начало всякого бытия”. Вход в эти ворота охраняет Некто, стоящий на грани двух миров» [Философов 2010: 291]. В «Анатэме» Философов находит «новый вид современной чеховщины» [Философов 2010: 291], несмотря на пропасть, которая отделяет высокохудожественные произведения Чехова от драм Андреева, оцениваемых критиком как явления, выходящие за рамки искусства.

Преемственно продолжая концептуальную линию прежних своих работ, в статье «Повседневный героизм» Философов рассматривает словесное искусство в качестве способа преобразования мира и даже созидания нового бытия. Он воспринимает литературу и жизнь как составляющие некоего единого метафизического «текста». Философов своеобразно преломляет традицию русской критики разных направлений, используя знаменитый принцип «по поводу», реализующийся в творчестве В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.А. Григорьева и многих других авторов XIX века.

В.В. Розанов справедливо видел в обращении к этому принципу выражение национальной специфики русской критики, тяготеющей к философствованию. В статье «Около имени Белинского» (1914) он писал: «“По поводу” – это и прошедшее, и будущее, это – вперёд и назад, и везде “по сторонам”. Так “русские критики” были всегда в сущности “русскими философами”» [Розанов: 54]. Парадокс состоит в том, что критический метод Философова в определённом смысле оказывается родственным подходу к постижению литературы, характерному для Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Вслед за своими предшественниками в рецензиях и статьях 1900-х гг., посвящённых творчеству Чехова, он также «выносит приговор» действительности, социальной и художественной. В заключительном выводе статьи Философов резко осуждает и современную литературу, и современную общественную жизнь, утверждая, что они в равной мере обессилены «чеховщиной»: «Повседневный трагизм мы понимаем, а повседневный героизм нам чужд и непонятен» [Философов 2010: 292]. В соответствии с установкой на циклизацию своих критических опытов он подхватывает и развивает тему «повседневного героизма» в статье «Повседневный героизм Толстого», опубликованной в 1911 году. В этой работе Философов пытается воссоздать черты личности Л.Н. Толстого по материалам дневника его последнего секретаря В.Ф. Булгакова («У Л.Н. Толстого в последний год его жизни» (М., 1911)). По мнению критика, «повседневный героизм» великого писателя состоял не только в его неустанном духовном самосовершенствовании, «делании» самого себя, но и в активном поиске истины, то есть смысла жизни [Философов 2010: 406]. Философов приводит воспроизведённые в дневнике Булгакова слова Толстого, сказанные с осуждением как в адрес Чехова, так и в адрес его восторженных, но поверхностных почитателей, не способных глубоко постичь природу творчества своего любимого писателя: «То обстоятельство, что Чехов не знал и не нашёл смысла жизни, представляется всем каким-то особенным, в этом видят что-то поэтическое» [Философов 2010: 404]. Цитата этого высказывания Толстого, почерпнутая из дневника Булгакова, укрепляет идейную позицию Философова, отрицающего «чеховщину» как отказ от напряжённого поиска смысла жизни, как нежелание обретения духовной опоры в религиозной вере. В контексте рассматриваемой статьи понятие «повседневный героизм», проецируемое на жизнь и творчество Толстого, становится смысловым эквивалентом категории «религиозное действие», а словосочетание «повседневный трагизм», характеризующее драматургию Чехова, выступает как перифраз выражения «эстетическое созерцание». Отсюда возникает подразумеваемое Философовым противопоставление типов художественного со-

знания: Толстой как носитель истинно религиозного и деятельного отношения к миру и Чехов как писатель, замкнувшийся в чистой художественности, психологически ослабленный своим безверием и лишённый дара духовного роста.

Показательно, что в жёстком осуждении «беспорывного», «негероического» Чехова критик совпадает не только со своими конфидентами (Гиппиус и Мережковским), но и с другим строителем «нового религиозного сознания» начала XX в. – В.В. Розановым. Философов в чём-то продолжает вектор оценок творчества Чехова, намеченный Розановым в статьях «Литературные новинки» («Новое время», 16 июня 1904 года) и «Писатель-художник и партия» («Новое время», 21 июля 1904 года). В статье «Литературные новинки» Розанов, не называя слово «чеховщина», по сути, писал о ней же. Он пронизательно подчёркивал, что герои «Вишнёвого сада» утратили духовную энергию, сам смысл жизни: «Вишни цветут, а люди блёкнут» [Розанов: 168]. В статье «Писатель-художник и партия», написанной уже после смерти Чехова, оценка феномена Чехова остаётся у Розанова сложной, неоднозначной, но при этом согретой искренней любовью и состраданием к ушедшему из жизни писателю, загравленному «направленческой» критикой. Вместе с тем Розанов называет Чехова выразителем настроений «безвременья», периода, когда в русской литературе «поскучнело» [Розанов: 183]. Мысль о губительной роли «чеховщины» он, как и Философов, выражает в яркой образно-иносказательной форме: «Всё мокро, серо. Дождит. И вязнут крылья в тумане, не подымая вверх» [Розанов: 183].

Таким образом, оценки чеховского творчества, представленные в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг., отличаются амбивалентностью. В этот период критик характеризует творчество Чехова как художественную вершину русской литературы начала XX века и вместе с тем как некоторый предел в её движении. Чеховский путь в отечественной словесности представляется ему уже исчерпанным, не имеющим духовной перспективы.

Склонность к мышлению антиномиями, проявившаяся в критических работах Философова 1900-е гг., несомненно, связывает его с Мережковским. Важную роль в формировании философских оценок чеховского творчества играют антиномии «Чехов и чеховщина» и «Повседневный трагизм и повседневный героизм», которые будут востребованы и в последующих его критических работах. Они выполняют функцию скреп, соединяющих рецензии и статьи Философова 1900-х гг. в своеобразный «чеховский» цикл. Их смысловое наполнение определяется разветвлённым генезисом. Например, само разведение Философовым понятий «Чехов» и «чеховщина» отсылает к оппозиции, найденной Добролюбовым: «Обломов» и «обломовщина». Философов одним из первых

начал использовать в своих работах антиномию «Чехов и чеховщина», которая затем стала константой в критике Серебряного века в целом [Бушканец: 166].

Оценки художественного наследия Чехова, сосредоточенные в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг., ориентированы на диалог с критическими высказываниями его современников: Мережковского, Гиппиус, Розанова. В опосредованной форме они транслируют идеи строительства «нового религиозного сознания». Но при этом Философов не только иллюстрирует и развивает чужие критические концепции, но и открывает новые грани творчества Чехова, по его мнению, завершившего в русской литературе линию «повседневного трагизма».

Список литературы

- Бушканец Л.Е.* Чехов – писатель русского Апокалипсиса? // *Общественные науки и современность.* 2010. № 4. С. 162–172.
- Гиппиус З.* Литературный дневник // *Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общей ред. А.Н. Николукина.* М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 165–367.
- Коттелова Н.Г.* Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880–1917 гг.). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 343 с.
- Коттелова Н.Г.* Антиномия «Чехов и чеховщина» в истолковании Д.В. Философова // *Верхневолжский филологический вестник: научный журнал.* Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 18–25.
- Коттелова Н.Г.* Рецензия Д.В. Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани» А.П. Чехова (1901) в контексте духовных и эстетических исканий русских символистов // *Вестник Костромского государственного университета: научно-методический журнал.* 2017. Т. 23, № 2. С. 79–83.
- Коростелев О.А.* Возвращение Д.В. Философова: сделанное и необходимое, мечты и реальность // *Философовские чтения: сб. материалов шестых Философовских чтений / сост. Н.В. Анисимова, Р.Н. Антипова, В.В. Булдакова; ред. Л.Я. Костючук, Р.Н. Антипова.* Псков: ООО «Логос», 2016. С. 6–13.
- Коростелев О.А.* Литературная критика Дмитрия Философова // *Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–21.
- Коростелев О.А.* Примечания // *Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 509–643.
- Крайний Антон.* Братская могила // *Весы.* 1907. № 7. С. 57–64.
- Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. 240 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.

Философов Д.В. «Дядя Ваня» (Первое представление в Петербурге 19 февраля 1901 г.) // Мир искусства. 1901. № 2–3. С. 102–106.

Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 680 с.

Философов Д.В. Театральные заметки. 2 Чайка // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.

Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и Серебряный век. М.: Наука, 1996. С. 50–67.

Шишкина Л.И. О мещанах и «дачниках»: Д. Философов в полемике с М. Горьким // Философовские чтения: сборник материалов третьих Философовских чтений. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2008. С. 100–119.

Шишкина Л.И. Творчество Л. Андреева в оценке Д. Философова // Философовские чтения: сборник материалов первых Философовских чтений. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2005. С. 153–163.

References

Bushkanec L.E. *Chehov – pisatel' russkogo Apokalipsisa?* [Chekhov – writer of the Russian Apocalypse?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2010, № 4, pp. 162–172. (In Russ.)

Gippius Z. *Literaturnyj dnevnik* [Literary diary]. Gippius Z. *Dnevniki: v 2 kn.* [Diaries: in 2 vol.], ed. by A.N. Nikoljukina. Moscow, NPK «Intelvak» Publ., 1999, vol. 1, pp. 165–367. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Problema recepcii russkogo literatury XIX veka v kritike D.S. Merezhkovskogo (1880–1917 gg.)* [The problem of reception of Russian literature of the nineteenth century in the criticism of D.S. Merezhkovsky (1880–1917)]. Kostroma, Kostroma State University named after named after N.A. Nekrasov Publ., 2010, 343 p. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Antinomija “Chehov i chehovshchina” v istolkovanii D.V. Filosofova* [Antinomy “Chekhov and Chekhovshchina” in D.V. Filosofov's interpretation]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin: scientific journal], Yaroslavl, RIO JaGPU Publ., 2018, № 1, pp. 18–25. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Recenzija D.V. Filosofova na mhatovskuju postanovku “Djadi Vani” A.P. Chehova (1901) v kontekste duhovnyh i jesteticheskikh iskanij russkikh simvolistov* [Dmitry Filosofov's review of Moscow Art Theatre staging “Uncle Vanya” by Anton Chekhov (1901) in the context of spiritual and aesthetic searches of the Russian symbolists]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta:*

nauchno-metodicheskij zhurnal [Vestnik of Kostroma State University: scientific and methodological journal], 2017, vol. 23, № 2, pp. 79–83. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Vozvrashhenie D.V. Filosofova: sdellanoe i neobhodimoe, mechty i real'nost'* [The Return of Dmitry Vladimirovich Filosofov: done and necessary, dreams and reality]. *Filosofovskie chtenija: sb. materialov shestyh Filosofovskih chtenij* [Philosophical readings: collection of materials of the sixth Philosophical readings], comp. N.V. Anisimova, R.N. Antipova, V.V. Buldakova; ed. by L.Ya. Kostyuchuk, R.N. Antipova. Pskov, OOO «Logos» Publ., 2016, pp. 6–13. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Literaturnaja kritika Dmitrija Filosofova* [Literary criticism of Dmitry Filosofov]. Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899 – 1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 3–21. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Primechanija* [Notes]. Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899–1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 509–643. (In Russ.)

Krajnij Anton. *Bratskaja mogila* [Mass grave]. *Vesy* [Libra], 1907, № 7, pp. 57–64. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *Poln. sobr. soch.: v 24 t.* [Complete collection of works: in 24 vols.]. Moscow, Printing house of the partnership of I. D. Sytin Publ., 1914, vol. 14, 240 p. (In Russ.)

Rozanov V.V. *Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisateljah* [Collected works. About writing and writers]. Moscow, Republic Publ., 1995, 734 p. (In Russ.)

Filosofov D.V. “Djadja Vanja” (Pervoe predstavlenie v Peterburge 19 fevralja 1901 g.) [“Uncle Vanya” (First performance in St. Petersburg on February 19, 1901)]. *Mir iskusstva* [World of art], 1901, № 2–3, pp. 102–106. (In Russ.)

Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899–1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, 680 p. (In Russ.)

Filosofov D.V. *Teatral'nye zametki. 2 Chajka* [Theatrical notes. 2 Seagull]. *Mir iskusstva* [World of art], 1902, № 11, pp. 46–51. (In Russ.)

Chudakov A.P. *Chehov i Merezhkovskij: dva tipa hudozhestvenno-filosofskogo soznanija* [Chekhov and Merezhkovsky: two types of artistic and philosophical consciousness]. *Chehoviana: Chehov i Serebrjanyj vek* [Chekhovian: Chekhov and the Silver Age]. Moscow, Science Publ., 1996, pp. 50–67. (In Russ.)

Shishkina L.I. *O meshhanah i “dachnikah”:* D. Filosofov v polemike s M. Gor'kim [About philistines and “summer residents”: D. Filosofov in a polemic with M. Gorky]. *Filosofovskie chtenija: sbornik materialov tret'ih Filosofovskih chtenij* [Philosophical readings: a collection of materials of

the third Philosophical readings]. Pskov, Publishing House of the Regional Center for Folk Art Publ., 2008, pp. 100–119. (In Russ.)

Shishkina L.I. *Tvorchestvo L. Andreeva v ocenke D. Filosofova* [Creativity of L. Andreev in the assessment of D. Filosofov]. *Filosofovskie chtenija:*

sbornik materialov pervyh Filosofovskih chtenij [Philosophical readings: a collection of materials of the first Philosophical readings]. Pskov, Publishing House of the Regional Center for Folk Art Publ., 2005, pp. 153–163. (In Russ.)